

Загадка "дела ЮКОСа": версия главы правительства

Михаил Михайлович Касьянов – первый премьер-министр России в президентство В.В. Путина. Он руководил правительством как раз в те годы, когда постепенно, но отчётливо совершался поворот во внутренней политике. Поначалу премьер воспринимался как единомышленник и соратник президента, но со временем обнаружилось расхождение между ними, и в феврале 2004 г. Касьянов был срочно отправлен в отставку. Год спустя вернулся в политику как деятель оппозиции. Книга "Без Путина" представляет собой сделанную по просьбе Касьянова запись его бесед с Е.А. Киселёвым – бывшим руководителем влиятельного телеканала, отстранённым как раз в начале 2000-х по политическим причинам.

Одна из глав этой книги полностью посвящена ликвидации нефтяной компании "ЮКОС". Руководители ЮКОСа были признаны виновными в уклонении от налогов и получили длительные тюремные сроки. Собственность фирмы перешла к государственной "Роснефти".

Технология собственно "расприватизации" компании и подготовки судебного приговора Ходорковскому достаточно известна. Но остаётся вопрос о причинах произошедшего. Данный текст полезен тем, что содержит целый набор версий, и предлагается достаточно фактов для того, чтобы можно было составить собственное объяснение.

Реплики Е.А. Киселёва выделены курсивом. Многоточиями в треугольных скобках показаны вырезки, сделанные для сокращения текста.

Вопросы:

1. Что подтолкнуло власть к изменению налоговой системы для нефтяных компаний?
2. Чем действия М.Б. Ходорковского отличались от поведения других олигархов?
3. Какое уязвимое место в положении нефтяных компаний увидел глава ЮКОСа после столкновения с президентом по поводу действий компании "Роснефть"?
4. Назовите не менее шести предположений о причине ареста Ходорковского, обсуждаемых авторами. Какие из них Касьянов считает вероятными?

Подумайте:

5. Какие действия власти был призван предотвратить проект закона, предложенный Ходорковским через Касьянова? Почему этот предполагаемый сценарий не был использован на самом деле?

6. Какие задачи, не решаемые иными способами, пытался решить президент страны за счёт ликвидации ЮКОСа и ареста его руководителей?

Год великого перелома: "дело ЮКОСа"

<...> Так повелось, что в России (начиная с 1991 года) во время решающих кампаний по выборам президента и парламента власть всегда старалась мобилизовать своих сторонников, создавая понятный всем персонифицированный образ врага и консолидируя общество на борьбу с ним. <...> К 2003 году, казалось, врагов не осталось <...> «Где тот враг, против которого будем теперь объединяться?» — задумались кремлевские стратеги. И решили, что врагом нужно назначить какого-нибудь олигарха. <...> А тут как нельзя вовремя подоспел инцидент, случившийся в конце февраля на встрече президента Путина в Кремле с крупнейшими российскими предпринимателями. Тогда обсуждалась тема борьбы с коррупцией, и Ходорковский имел неосторожность сказать Путину, что коррупцию не надо искать где-то далеко, она у вас, Владимир Владимирович, под боком. И далее привел пример, как государственная компания «Роснефть» только что купила по чуть ли не вдвое завышенной цене небольшую компанию «Северная нефть» Президент неожиданно отреагировал крайне резко, встав на защиту «Роснефти». Он сказал, что у этой госкомпании есть трудности с разведанными месторождениями, и поэтому «Роснефть» вправе приобретать активы, которые позволят ей нарастить запасы. При этом он прозрачно намекнул, что при желании можно поинтересоваться поподробнее, как ЮКОС получил свои месторождения, и вообще устроить Ходорковскому большие неприятности. <...>

По общему мнению, «дело ЮКОСа» началось со злополучной сцены в Кремле, когда Путин вдруг «наехал» на МБХ. Мало кто помнит, что тогда разворачивалась грандиозная борьба вокруг

принятия нового закона, регулирующего налогообложение нефтяных компаний, в том числе ЮКОСа. Если быть точнее – вокруг принятия нового закона, который регулировал взимание налога на добычу полезных ископаемых (сокращенно – НДПИ), прежде всего в отношении нефти, а также экспортных пошлин на нефть. Насколько я понимаю, именно благодаря этим налогам и экспортным пошлинам удалось сформировать многомиллиардный Стабилизационный фонд, который так помог стране в период нынешнего кризиса?

Точно. Причем принятый тогда закон работает по сей день, и именно благодаря этому закону продолжают пополняться правительственные резервы, изрядно похудевшие за месяцы кризиса. Это действительно было одним из самых главных дел нашего правительства: как поставить сверхдоходы от экспорта нефти и газа под контроль государства.

А почему раньше они оказались вне контроля государства?

Нефтяные компании перешли в частные руки в основном в 1995–1996 годах. Следующие годы цена на нефть была не высокой. Видимо, поэтому правительства того периода не ставили перед собой в числе приоритетных задачу изъятия нефтяных сверхдоходов, которых тогда и не было.

Государство Российское при всем желании имеет очень мало влияния на формирование цены на нефть. Она может упасть до очень низкого уровня, и тогда нефтяные компании с трудом сводят концы с концами, как это было в 1998 году. Потом может взлететь до небес, как весной-летом 2008 года, затем опять резко упасть, как это случилось буквально через полгода. Когда же нефть стоит дорого, нефтяные компании начинают получать сверхдоходы, что несправедливо.

Постойте, а как же рынок, частная собственность, конкуренция? И где грань между справедливостью и несправедливостью? <...> Добыча нефти, особенно в условиях России, дело трудное, требующее огромных затрат: эксплуатация и ремонт существующего оборудования, закупка нового, совершенствование технологий, инфраструктуры, системы управления, что очень важно – разведка новых месторождений. Нефтяные компании вынуждены тратить значительную часть доходов на инвестиции в дальнейшее производство...

Давайте расставим все по местам. Я всегда был за то, чтобы добыча нефти и газа была в руках частных компаний. Чтобы в нефтяной отрасли была конкурентная среда. Чтобы частные нефтяные компании имели совершенно ясные и прозрачные условия работы. Ведь речь идет о добыче нефти, об эксплуатации недр. Когда же нефть еще в земле, она, как и все природные ресурсы, по закону принадлежит нам с вами, значит, представляющему нас государству. Рост цен на нефть на мировом рынке мало связан с хорошей или плохой работой нефтяных компаний. Поэтому излишек, полученный при высокой цене, не является заработанным собственно предприятиями. Такие сверхдоходы должны в значительной своей части направляться в государственные фонды для использования на общественные цели. Конечно, вы правы: требуются инвестиции для поддержания и модернизации производственного потенциала, надо внедрять новые технологии, вести поиск новых месторождений. Причем неизвестно, окупятся ли затраты на разведку — будет найдена нефть или нет. А даже если будет найдена, то какими будут условия добычи, себестоимость? Это все нужно учитывать, поэтому дискуссии у нас шли очень долгие и обстоятельные. Мы вовсе не хотели, чтобы новая система налогообложения оказалась для нефтяников разорительной.

<...> Я как руководитель правительства регулярно встречался с менеджерами и собственниками нефтяных компаний. Говорил, что цена, видите, какая высокая, видите, какое счастье нам всем выпало... Нужно заниматься и модернизацией, и геологоразведкой, но и государство должно получить свое. Будем делать справедливую систему налогообложения.

Поначалу нефтяники отнеслись ко всем этим предложениям, скажем так, сугубо негативно. Потом стали вести себя по принципу «надо переждать — поговорят и забудут» Но, убедившись, что мы не просто не «поговорили и забыли», а продолжали напирать, нефтяники поняли, что надо договариваться. Вот тогда мы сели за разработку взаимоприемлемой формулы налогообложения, стали чертить все эти графики — как повышается налог в случае повышения цены одного барреля нефти, как понижается, если цена падает. Учитывали прежде всего потребности любой нефтяной компании в инвестициях, необходимых не только для поддержания текущего производственного потенциала, но и на геологоразведку и развитие. Опирались также на опыт других стран.

И какая формула в итоге возникла?

Кривая получилась примерно такая: как я уже сказал, если цена 8 долларов за баррель и ниже, то компании практически никаких налогов не платят, весь риск недобора доходов от продажи нефти берет на себя правительство; если же цена растёт, то, начиная с 25 долларов за баррель,

большая часть сверхприбыли, ранее достававшейся нефтяникам, уже поступает в Стабилизационный фонд.

То есть, согласно этой формуле, даже если цена вырастает до 147 долларов за баррель, как в июле 2008 года, все равно нефтяная компания получает прибыль так, будто бы продала эту нефть по цене 25?

Грубо говоря, примерно так. <...>

Вот что еще хотел бы уточнить: если я не ошибаюсь, одновременно с привязкой нефтяных налогов к цене на черное золото вы провели в парламенте решения об отмене внутренних офшоров?

Верно. Это было сделано, чтобы закрыть эти налоговые дыры, через которые можно было легально минимизировать налогообложение предприятия, то есть снизить уровень налоговых платежей в бюджет в несколько раз. Этот закон шел через Думу очень трудно и медленно. Его обсуждали-обсуждали, бились-бились, а приняли наконец только в декабре 2003 года.

Получается, все, что вменялось в вину Ходорковскому и другим акционерам ЮКОСа, до конца 2003 года было нормой жизни?

В части налогообложения – да. Минимизация налоговых платежей через внутренние офшоры по действовавшему законодательству была тогда абсолютно законной. Неправильная, несправедливая вещь, противоречившая общей экономической политике нашего правительства. Об этом мы постоянно заявляли и на протяжении двух лет пытались убедить в этом парламент. Дума же долго не шла нам навстречу, не принимала законы, закрывающие эти лазейки.

Почему же парламент препятствовал вам?

Потому что там были влиятельные депутаты от регионов, где работали нефтяные компании, а также тех, где находились эти самые внутренние налоговые офшоры. Чего только они ни получали от нефтяных компаний: жилье, новые больницы, современные школы, бассейны, дворцы спорта...

На первый взгляд кажется, что это хорошо, когда в каких-то регионах эффективно решаются социальные задачи, но потом задумываешься и приходишь к выводу – это неправильно, несистемно. Всего в нескольких точках на карте страны люди живут как у Христа за пазухой, а большинство граждан не имеют ничего от результатов деятельности нефтяных компаний. Несправедливо. И эту несправедливость нам в конце концов удалось устранить. Что же касается Ходорковского и компании ЮКОС, то наш закон, принятый в декабре 2003 года, как я понимаю, был задним числом применен против них по эпизодам 1999–2001 годов. То есть имело место чистое беззаконие.

Правда ли, что именно Ходорковский был главным противником реформы налогообложения нефтяных компаний?

Неправда. Если точнее, вначале Ходорковский был против, как и другие нефтяники. Но потом все они поняли, что стабильные, четкие, прозрачные, рассчитанные на много лет вперед правила налогообложения, минимизирующие внутренние административные и физические риски, повышающие предсказуемость результатов работы нефтяных компаний, резко увеличивают их капитализацию (остаются только угрозы, от которых не может быть застрахована ни одна нефтяная компания ни в одной стране – возможность падения спроса и цен на нефть плюс общеэкономические риски). Соответственно, повышается привлекательность нефтяных компаний для инвестиций, в том числе иностранных. Ходорковский, как и другие отечественные собственники, в то время был просто одержим идеей повышения капитализации. К примеру, именно с этой целью они с Романом Абрамовичем договорились о слиянии ЮКОСа и «Сибнефти». Повторяю, как только Ходорковский понял, что новое законодательство поможет ему увеличить рыночную стоимость активов ЮКОСа, он очень активно подключился к работе над законопроектом. У него были отличные юристы и финансисты, которые могли быстро и грамотно все обсчитывать, готовить документы для переговоров с правительством по всем вопросам, связанным с проектом нового законодательства.

Неужели у других нефтяных магнатов не было таких специалистов?

*М.Б. Ходорковский
во время суда*

Конечно, были. Но получилось так, что Ходорковский взялся вести переговоры с правительством от лица всей отрасли, так сказать, от имени всего «профсоюза нефтяных олигархов». Они все с этим согласились.

Вы не думаете, что здесь надо искать еще одну причину будущих злоключений Ходорковского? Ведь в Кремле наверняка внимательно следили, как идут эти переговоры. <...>

Ходорковский, безусловно, показал себя тогда лидером отрасли. Готов с вами согласиться: энергия, с которой он вкладывался в эту работу, едва ли могла остаться незамеченной, а истолковать и преподнести все соответствующим образом было уже несложно. Мол, смотрите: в России появились такие энергичные предприниматели, да еще с такими деньгами, и правительство вынуждено с ними договариваться о нормальном взаимодействии и компромиссах. Так дело может далеко зайти... <...>

Кстати, я слышал, что примерно в то же самое время Ходорковский выступил и с другой опасной инициативой – принять закон, который закреплял бы итоги приватизации. Было такое?

Было! Недели через две после того неприятного инцидента с Путиным в Кремле Ходорковский пришел ко мне на прием. И опять-таки от имени всего сообщества крупных предпринимателей высказал идею: давайте примем закон, который снял бы все претензии к участникам крупнейших приватизационных сделок 90-х. Пусть этим законом будет установлено, что владельцы предприятий, которые были приватизированы тогда за бесценок, а теперь стоят миллиарды долларов, должны заплатить государству компенсацию. Своего рода единовременный налог на многократное повышение капитализации принадлежащих им активов. И чтобы полученные деньги не растворились в бюджете, а сконцентрировались бы в специальном фонде для финансирования реформ общенародного значения. Для управления этим фондом Ходорковский предложил создать общественный совет, в который вошли бы депутаты, губернаторы, представители правительства и администрации президента.

Ну и как вы отнеслись к этой идее?

Мне она очень понравилась. С одной стороны, я был убежден, что повернуть приватизацию 90-х вспять, отменить ее итоги было бы большой ошибкой. С другой стороны, я и тогда считал, и сейчас готов повторить, что крупная приватизация была крайне несправедливой. И вот теперь эту несправедливость фактически признавали все крупные собственники, от имени которых выступал Ходорковский. Не просто признавали – изъявляли готовность ее исправить. Конечно, было понятно, что, выплатив компенсацию государству, крупный бизнес политически легитимирует итоги приватизации 90-х годов и решительным образом укрепляет свой статус в обществе. <...>

А как же вы собирались определить размер компенсации, которую должен был выплатить каждый из участников приватизации?

Вот тут у Ходорковского была такая просьба: не спускать из правительства никаких формул и разнарядок. Он говорил: «Мы сами лучше всех знаем, сколько в свое время недоплатили государству. Среди нас, участников приватизации, есть общее понимание, кто сколько должен внести. Кто-то полтора миллиарда долларов, кто-то три, кто-то пять. Мы сами между собой договоримся».

Мне эта мысль показалась здоровой. В итоге Ходорковский ушел от меня с намерением подготовить проект этого закона. Буквально через неделю проект был готов. Очень краткий, на двух страничках, простой и ясный. Перед тем как дать поручение министерствам и ведомствам о проработке этого проекта закона, я показал его президенту.

Зачем вы это сделали?

Я всегда исходил из того, что премьер-министр должен обсуждать с президентом проект любого важного для страны решения. Будь то подходы к формированию бюджета, реформа газового сектора или, как в данном случае, окончательное урегулирование отношений между государством и крупнейшими участниками процесса приватизации.

И как отреагировал президент?

Путин прочитал бумагу с проектом закона и оставил ее у себя. Президент ничего не сказал, просто забрал те две странички. И все – больше мы к этому вопросу не возвращались.

Как вы думаете, почему? Он не был заинтересован в том, чтобы подвести черту под спорами о приватизации 90-х?

Думаю, что он понимал: принять этот закон – значит снять богатейших бизнесменов, крупных промышленников с крючка. А это, похоже, в его планы не входило. Потом я укрепился в этом мнении, как и все, кто следит за событиями в России. Пока бизнесмены находятся в подвешенном

состоянии, не имея от государства никаких гарантий собственности, опасаясь в любой момент лишиться своих активов, ими можно манипулировать. Поэтому Путин и положил проект закона под сукно.

И, возможно, поставил еще одну мысленную зарубку: опять этот Ходорковский. Скажите, что вы думаете по поводу неформальных обвинений, выдвигавшихся тогда против Михаила Борисовича? Многие говорили, что сел Ходорковский не за то, в чем его обвиняют, а совсем за другое. Например, за то, что в тот самый злополучный день в Кремле, выслушав гневную отповедь Путина, Ходорковский будто бы громко сказал Владимиру Потанину: «Все, с этим надо заканчивать. Идем на выборы. Ты – президент, я – премьер» Эти слова подслушали и донесли Путину, и пошло-поехало.

В.В. Путин и М.Б. Ходорковский

Зная и Потанина, и Ходорковского, не верю, что между ними мог состояться такой разговор.

А была еще одна история, которая циркулировала по Москве вскоре после ареста Ходорковского: будто бы он во время поездки в Вашингтон в 2003 году встречался с тогдашним госсекретарем США Кондолизой Райс и просил поддержки США, обещая провести ядерное разоружение России в случае своей победы на президентских выборах. И разведка донесла эти данные в Кремль.

Полная ерунда! Такую чушь могут распространять только люди, никогда не участвовавшие в международных переговорах на таком уровне. Я не только не верю, что Ходорковский мог такое говорить, но точно знаю: никто в администрации США – ни Кондолиза Райс, ни кто-либо другой – не стал бы поддерживать такой бредовый разговор. Ни минуты. Встали бы и ушли, а гостя назвали бы провокатором, могли бы и за дверь выставить...

Ну, а история о том, что Ходорковский хотел без согласования с государством продать ЮКОС американцам, поставив сокровища российских недр под контроль иностранной державы?

Примитивная пропагандистская страшилка.

Во-первых, как я уже говорил, запасы нефти, пока они не извлечены из-под земли, по закону принадлежат государству. Поэтому продажа ЮКОСа или любой другой нефтяной компании иностранному инвестору ничего не меняла и не могла изменить: сокровища наших недр оставались бы национальным достоянием страны. Нефтяные компании владеют оборудованием для добычи, разведки нефти, нефтепереработки, зданиями, объектами инфраструктуры и т. д. Кому все это хозяйство принадлежит – отечественным акционерам, европейцам или американцам, по моему убеждению, не имеет никакого значения. Лицензии, то есть права на разработку тех или иных месторождений на определенных условиях, выдает государство. Правительство в энергетической стратегии задает параметры разработки недр. Важно, чтобы исполнялись законы и платились налоги. Чтобы государство получало больше доходов, нужно, чтобы осуществлялись инвестиции. А для этого в добывающей отрасли должна быть конкурентная среда, а в области транспортировки добытой нефти государство обязано обеспечивать всем равные условия доступа к трубопроводам.

Во-вторых, в случае с ЮКОСом речь шла не просто о продаже, а о слиянии, обмене активами с Exxon Mobil. Если бы сделка состоялась, то ЮКОС стал бы частью крупнейшей в мире транснациональной корпорации. Я тогда доказывал президенту, что от этого России не будет ничего, кроме пользы. Кстати, Путин до определенного момента спокойно относился к перспективе иностранного участия в капитале российских энергетических компаний. Хорошо помню, как президента на каком-то международном энергетическом форуме кто-то из иностранных участников спросил: как вы смотрите на то, что мы хотим купить долю в одной из крупнейших российских нефтяных компаний? Он ответил, что это решает правительство; я, президент, этим не занимаюсь, как правительство скажет, так и будет.

Вскоре в Москву для встречи со мной приехал глава Exxon Mobil Ли Раймонд, и я, отвечая на его вопрос, подтвердил, что правительство не возражает против приобретения ими серьезной доли в ЮКОСе или в объединенной компании ЮКОС – «Сибнефть». Но после того как Ходорковский попал в тюрьму, переговоры были свернуты. «Сибнефть» тут же вышла из альянса с ЮКОСом.

Эта сделка, как и многие другие, расстроилась – арест Ходорковского и давление властей на ЮКОС смертельно напугали всех олигархов, и не только нефтяных.

Знаю, что Ходорковский ходил-таки на прием к Путину согласовывать сделку с американцами – он сам мне об этом рассказывал незадолго до ареста, на нашей последней с ним встрече. Другое дело, что Владимир Владимирович поговорил с ним по-иезуитски: «А зачем, собственно, вы мне об этом рассказываете? – спросил Путин. – Ведь если я скажу вам нет, вы все равно поступите по-своему; не правда ли?» Тогда Ходорковский переспросил его: «Так вы против?» «Я вам этого не говорил» – ответил Путин.

Да, такая встреча была еще до ареста Лебедева, Ходорковский мне также об этом рассказывал. Несмотря на все мои аргументы, в голове Путина победила концепция, изложенная в кандидатской диссертации, которую он защитил, если не ошибаюсь, в 1996 году: российские нефтедобывающие компании должны принадлежать государству. В этом он был вовсе не одинок – ту же самую позицию с пеной у рта отстаивали многие члены Совета безопасности.

Завершая разбор версий об «истинных» причинах злочлений Ходорковского, хочу напомнить: тогда чаще всего говорилось, что МБХ арестован за попытку осуществить коварный план захвата власти в стране. Сначала скупить как можно больше голосов в будущей Государственной думе, потом создать парламентское большинство в две трети депутатов, изменить конституцию, превратить Россию в парламентскую республику, а самому стать премьер-министром.

Такие разговоры ходили. О том, что Ходорковский будто бы скупает депутатов, мне однажды с раздражением заявил сам Путин. <...>

Вот что еще любопытно. Весной 2003 года я вдруг почувствовал, что общественному мнению стараются навязать мысль о парламентской республике. Со мной, как обычно, согласовывали текст послания президента Федеральному собранию, и я вдруг наткнулся на тезис о том, что в недалеком будущем Россия должна стать парламентской республикой. При этом никаких обоснований и аргументов в пользу такого фундаментального преобразования в тексте не приводилось. Я эту фразу вычеркнул, потому что был уверен: переход к парламентской республике возможен, только когда граждане России поймут, что такое политические партии, и зачем они нужны. И когда будут уверены в незыблемости свободы политической деятельности. Но тогда, в апреле 2003 года, до такого уровня общественного развития было еще очень далеко. Однако в поправленной редакции текста тезис о парламентской республике каким-то непонятным образом снова всплыл в несколько иной формулировке. И тогда я заподозрил, что речь идет не о парламентской республике как таковой, а о создании механизма удержания власти. Я вновь этот пассаж вычеркнул.

Еще раз?

Да, всего за 20 минут до начала выступления Путина в Кремле. <...> Потом появились и другие признаки, что в администрации президента отрабатывают механизм будущего удержания власти. Ведь после выборного цикла 2007–2008 годов у нас возник похожий расклад. Путин – премьер-министр, лидер партии «Единая Россия», контролирующей больше двух третей мест в парламенте, которая уже подправила конституцию, увеличив продолжительность президентского срока до шести лет, а полномочий парламента – до пяти лет. В любой момент она может инициировать и другие новации. Похоже, вчерне разрабатывать эту конструкцию в Кремле начали именно тогда, весной 2003 года, а для отвода глаз обвинили во всех смертных грехах Ходорковского.

Касьянов М.М. Без Путина. Политические диалоги с Евгением Киселевым.
М.: Новая газета, 2009